

ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО СУБЪЕКТА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. Проблема идентичности всегда была насущной для общества, поскольку во все времена люди идентифицировали себя тем или иным образом. Одним из исследователей, кто занимался проблемой идентичности, был З. Фрейд, основатель психоанализа. Другие исследователи высказывают различные мнения по этому поводу. Автор статьи делает вывод, что идентичность личности – это сложное и меняющееся явление, которое в современных условиях определяется многими факторами, в том числе языком, социальным статусом и т.д.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, психоанализ, «спутанная идентичность», подлинная самоидентичность, культурный образец, потеря корней, чужак, принимать чьи-либо ценности.

Y. Kuznetsova

IDENTITY OF MODERN SUBJECT: STATEMENT OF QUESTION

Abstract. The problem of identity has been always essential for our society. Every person identifies himself in some way. Z. Fried founded one of the approaches to the problem of identification – psychoanalysis. Other explorers investigate this problem from different positions. The author of the article comes to the conclusion that personal identity is a very difficult and changing phenomenon nowadays. It's evident that we have deal with confusion of identity which is determined by language, social status and many other factors.

Key words: identification, identity, psychoanalysis, confusion of identity, true self-identity, cultural pattern, loss of roots.

Проблема идентичности актуальна для общества, где есть персона, агент социального действия. Человек – сложный субъект, как сложно все общество, он разнообразен в своих проявлениях, ему присущи многие способы самовыражения и активности. Меняется общество, меняется и человек. Обратимся к одному из основных подходов к проблеме идентификации – психоанализу З. Фрейда.

В психоанализе З.Фрейда идентификация понимается как бессознательный процесс отождествления субъекта с другими людьми либо с каким-либо литературным, воображаемым, вымышленным образом. [2] В самый ранний период развития личности Фрейд выделяет самую важную, с его точки зрения, идентификацию – идентификацию с отцом. Такая идентификация не является следствием или результатом привязанности к объекту, «она прямая, непосредственная и более ранняя, чем какая бы то ни было привязанность к объекту». [1] Развитие культуры и общества, безусловно, ведут к расширению спектра самоидентификации. Фрейд считает, что «Я» индивида состоит из нескольких инстанций, одна из которых «...беспрерывно наблюдает, критикует и сравнивает действительное Я и его деятельность с неким Я-идеалом, созданным в процессе своего развития». Эта инстанция (Я-идеал) имеет теснейшую

* Кузнецова Е.В.

связь с филогенетическим достоянием, архаическим наследием индивидуума. Я-идеал соответствует всем требованиям, предъявляемым к высшему началу в человеке. То, что в индивидуальной душевной жизни принадлежало глубочайшим слоям психики, становится благодаря образованию Я-идеала самым высоким в смысле наших оценок достояния человеческой души. В Я-идеале содержится некое зерно, из которого выросли все религии. Суждение о собственной недостаточности при сравнении «Я» со своим идеалом вызывает то религиозное ощущение, то чувство смиренности, на которое опирается истинно верующий. Фрейд пишет, что Я-идеал – это та же роль отца, перешедшая уже к учителям и авторитетам; «их заповеди и запреты сохраняют свою силу в Я-идеале, осуществляя в качестве совести моральную цензуру». Несогласие между требованиями совести и действиями «Я» ощущается как чувство вины или угрызения совести. Таким образом, в концепции Фрейда находится место и социальным чувствам, и идентификация в данном случае выступает как отождествление себя с другими (учителями, авторитетами), откуда проистекают противоречия, когда сталкиваются Я и Я-идеал (совесть).

Проблемой идентификации личности с точки зрения психоанализа занимались многие последователи Фрейда, но уже с других точек зрения, в чем-то соглашаясь с основателем психоанализа, в чем-то (и часто достаточно во многом) расходясь с ним во мнениях.

Так, Фромм считает, что развивается новая стадная идентичность, в которой чувство тождественности основывается на чувстве принадлежности к толпе [2]. То есть имеет место желание не отличаться от других. Подлинное чувство самоидентификации нередко подменяется имиджем, искусственно сконструированным для того, чтобы выделиться из толпы. Но это отнюдь не является подлинной идентичностью, что может привести к психическому расстройству, то есть, очевиден кризис самоидентичности. Но Фромм считает, что он вполне преодолим. Для этого человеку необходимо быть более активными в плане бытия, а не имения. Желание «быть» должно возобладать над желанием «иметь». Самоидентичность достижима, если человеку удастся справиться с отчуждением от всего внешнего мира, вызванным стремлением к материальному богатству, удастся утвердиться именно в плане бытия как творческой личности, которой свойственно не только получать и брать, но и отдавать.

Очень тесно проблемой идентичности занимался Э.Эриксон. Наиболее известна в этом плане его работа «Детство и общество». Книга посвящена проблемам возрастных кризисов, в том числе «кризису идентификации», который характерен для периода юности.

Э.Эриксон считает, что изучение идентичности очень важно на текущем отрезке времени. Далее он объясняет почему: «... мы предпринимаем это в той стране, которая пытается создать суперидентичность из всех идентичностей, привносимых населяющими ее иммигрантами; и, к тому же, делаем это в то время, когда быстро нарастающая механизация угрожает этим, в основном, аграрным и аристократическим идентичностям на их родине» [5, 168]. Таким образом, исследование идентичности становится на данный момент здесь такой же стратегической задачей, какой было исследование сексуальности для Фрейда.

Истоки идентичности Эриксон видит в динамично развивающемся телесном Я и присутствии родительского образа, когда им придаются культурные коннотации. Появляющаяся в подростковом возрасте идентичность соединяет

мостом стадии ранней взрослости, когда множество социальных ролей становятся доступными, с одной стороны, и все более принудительными – с другой. Возникающий в этом возрасте параметр связи с окружающим колеблется между положительным полюсом идентификации «Я» и отрицательным полюсом путаницы ролей. Перед подростком встает задача объединить все, что он знает о себе, как о школьнике, сыне, брате, друге и т.д. Все эти роли он должен собрать в единое целое, осмыслить его (это целое) и спроецировать на будущее. Правильная психосоциальная идентификация в данном случае зависит от успеха именно этой операции. Причем влияние родителей здесь уже косвенное, а не прямое. Неудачное детство, тяжелый быт, неправильное поведение родителей в предыдущие фазы жизни и развития ребенка способствуют тому, что подросток не в состоянии определить свое «Я», у него начинается путаница ролей. Такая путаница, как правило, чревата возникновением преступности в подростковом возрасте. В некоторых случаях молодежь стремится к негативной идентификации, то есть отождествляет свое «Я» с образом, противоположным тому, который хотели бы видеть родители, родственники и друзья. Но идентичность такого рода в юности еще не означает, что впоследствии подросток никогда не осознает своего «Я».

Свою теорию идентичности Эриксон раскрывает также на различных исторических примерах, взятых из истории США, Германии и России. Так, анализируя ситуацию с Гитлером, возникшую в Германии, Эриксон считает, что это не случайность, а закономерность, вытекающая из немецкого менталитета. Налицо полная идентификация вождя со своей нацией и полное поклонение нации своему фюреру. Таким образом, через поведение отдельной личности можно понять поведение целых народов, этнических образований, наций. И Эриксон анализирует наравне с ситуацией с Гитлером в Германии ситуацию с Максимом Горьким, возникшую в России на материале фильма-легенды.

Эриксон сравнивает судьбы и характеры Гитлера и Горького. «В некоторых знаменательных отношениях эти две легенды обладают известным сходством. Обе они показывают растущего своевольного начальника в ожесточенной борьбе с отцовской фигурой, главой рода – беспощадным тираном» [5, 170]. И Гитлер, и Горький в подростковом возрасте перенесли психическое потрясение от бессмысленности существования. Оба обрели известность в полицейских досье своих стран как «бумагомаратели». После революции в октябре 1917 года Горький стал легендарным в новой стране – стране Советов. Легенда же, созданная и развиваемая, олицетворяет традиции прошлого и идеалы прежней крестьянской жизни. Но не только!

По мнению Эриксона, моральная и национальная идентичность имеет функцию коллективного эго. На примере идентичности американцев он показывает составляющие их индивидуальной инициативы: протестантизм, индивидуализм, рациональную адаптацию к трудностям и опасностям жизни. На примере жизни Максима Горького ученый вскрывает уже совершенно иные механизмы идентификации личности, выросшей и сформировавшейся в совершенно иной культуре, нежели американская, европейская или азиатская. Таким образом, можно сделать вывод, что механизмы идентификации формируются по-разному у представителей различных групп и наций в зависимости от исторических, географических, климатических условий. Эриксон справедливо резюмирует: «Для согласования исторической и психологической методологии нам, прежде всего, нужно научиться сообща иметь дело с теми обсто-

ятельствами, что различные психологи подвластны историческим законам, а историки и исторические летописи – законам психологии» [5, 325].

Эриксон считает, что на идентичностях очень пагубно могут сказаться следующие факторы современной цивилизации: промышленная революция, глобальные коммуникационные сети, процессы стандартизации, централизации и технологизации «человеческого образа жизни». При разрушении своей подлинной идентичности, продолжает Эриксон, люди склонны искать спасение в псевдоидентичностях. Именно псевдоидентичность характерна для тоталитарных государств. Между тем, чувство идентичности должно быть основано не на страхе и тревогах, а на опыте социального здоровья и культурной солидарности, что способствует чувству гуманности. В противном случае подлинная идентичность утрачивается, целостность и полнота уступают место отчаянию и отращиванию, генеративность – стагнации, интимность – изоляции, а сама идентичность – смешению ролей. Подлинная идентификация, по мнению Эриксона, возможна только при условии сохранения целостности личности и при условии реализации этой целостности в реальности.

Идентичность, разумеется, не полностью зависит от реакции общности, но последняя существенно влияет на нее. Некоторые общности столь гетерогенны, дезорганизованы и столь бессистемно изменяются, что они могут снабдить своих членов достаточно последовательными поддержкой и признанием, необходимыми для развития их идентичности. Эриксон считает, что в современном обществе необходимо развивать новый тип характера – производящего, порождающего человека – и основывать его на новом идеологическом фундаменте. Наконец, Эриксон вводит такое понятие, как спутанность идентичности (*confusion*), которое представляет собой не что иное, как ощущение отсутствия или потери своих корней. Таким образом, исследователь вводит понятие чрезвычайно важное для всех иммигрантов. Учитывая очень мощную миграцию населения во всем мире, мы не можем не признать, что проблема «спутанной или спутанности идентичности» чрезвычайно актуальна и интересна на данном этапе общественно-цивилизационного развития.

Исследованием проблемы идентификации личности в среде иммигрантов занимается австрийский философ и социолог, последователь Э. Гуссерля, основатель социальной феноменологии А. Шюц. Этой проблеме посвящен, в частности, его очерк «Чужак» [4, 533]. Он рассматривает ситуацию, когда взрослый индивид пытается истолковать для себя культурный образец (*pattern*) новой социальной группы, к которой ему предстоит адаптироваться. Хотя Шюц оговаривается, что в подобного рода ситуации могут оказаться не только иммигранты. Претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, входящий в семью своей потенциальной невесты, городской житель, поселяющийся в деревне – это все «чужаки».

Чужак знает, что культура этой новой группы имеет свою историю, но эта история никогда не станет частью его биографии, какой была для него история его родной группы. «Могилы и воспоминания невозможно ни перенести, ни завоевать», - пишет Шюц. Чужак готов разделить со своей новой группой ее настоящее и будущее, но не прошлое. «С точки зрения принимающей его группы, он – человек, у которого нет истории» [4, 556].

Шюц считает, что рано или поздно чужак начинает интерпретировать новую социокультурную среду в привычных для него категориях мышления и находит в новой группе какие-то близкие представления. Однако эти представ-

ления все равно в скором времени становятся неадекватными.

Социальное взаимодействие и живой опыт требуют более глубокого осознания чужаком паттернов (образцов) неродной культурной группы. И чужак вынужден считаться с фундаментальными расхождениями между пониманием вещей и поведением в реальных ситуациях. Только после того, как у чужака накопится определенное знание нового культурного образца, он может принимать его как собственное самовыражение, как часть своего мира. Последовательность в основании новых культурных образцов Шюц показывает на примере изучения иностранного языка, когда происходит сначала пассивное понимание, а затем идет активное употребление новых языковых конструкций в речи. В целом, можно перевести все лексические единицы с одного языка на другой или понять грамматические конструкции, если соотнести с родным языком. Но есть и другое содержание в языке, неперебиваемое на другие языки. Сюда включаются следующие особенности [4, 558]:

1) наличие так называемых «окаймлений» (У.Джемс) – иррациональных импликаций, которые можно положить на музыку и использовать в поэзии;

2) наличие множества коннотативных значений, не всегда приводимых в словаре, но значимых с точки зрения обстоятельств их употребления;

3) наличие идиом, жаргона, диалектов, понятных только тем, кто участвовал в общих прошлых переживаниях;

4) наличие всех других элементов групповой жизни, то есть различных артефактов, связанных с языком, в которых отражается история той или иной социокультурной группы.

Все вышеперечисленные тонкости доступны только членам «моя-группы», их невозможно освоить, выучить, и именно их знание, понимание, интерпретация становится определяющим фактором в определении новой идентификации. Если данный процесс пройдет успешно, эти образцы станут для человека «своими», в таком случае мы можем говорить о полной адаптации к новой группе и новой идентификации. «В таком случае чужак перестает быть чужаком» [4, 569].

Итак, мы делаем вывод, что персональная идентичность – это нечто постоянное меняющееся. Современный культурный и политический ландшафт крайне разнообразен, поэтому проблема идентификации личности требует совершенно иного прочтения и включает другие факторы, кроме языка, происхождения или профессии. Мы считаем, что на современном этапе общественно-цивилизационного развития нецелесообразно говорить о какой-либо определенной идентичности субъекта. Очевидно, что мы имеем дело со «спутанной», «смешанной» идентичностью, детерминировать которую достаточно сложно и которая отличается динамикой на протяжении всей жизни социального субъекта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. – М.: Просвещение, 1989. – 448 с.
2. Фрейд З. Толкование сновидений. – Киев: Здоровье, 1991. – 384 с.
3. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Наука, 1993. – 283 с.
4. Шюц А. Чужак // А.Шюц. Избранное: мир, священный смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 533-560.
5. Эриксон Э.Г. Детство и общество. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – СПб.: Ленато, АСТ, Университетская книга, 1996. – 592 с.